

УДК 910.1+551.793+551.796+930.26+394.20(5–11)

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК В УМЕРЕННОМ ПОЯСЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

© 2012 г. Я.В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН

Поступила в редакцию 20.06.2010

Рассмотрены основные черты взаимодействия природной среды и первобытного человека в умеренном поясе Восточной Азии (юг Дальнего Востока России, Северо-Восточный Китай, Япония, Корея), на основе палеогеографических и археологических данных для культур палеолита и неолита (40000–3000 л.н.). Дан обзор основных понятий и концепций взаимоотношения природы и человека в российской географии и этнографии. Охарактеризованы хозяйственно-культурные типы населения, реконструирована их динамика; проведена корреляция изменений природной среды и палеоэкономики. Выделены принципиальные этапы процесса взаимодействия природы и древнего человека в умеренном поясе Восточной Азии.

Введение. Изучение природы и общества в их взаимосвязи является одним из важных направлений исследований современной географии (см., например: [12, с. 12]). Изучение взаимодействия природы и древнего человека, т.е. самой *истории* взаимодействия природной среды и общества, совершенно необходимо для познания закономерностей существования современной географической среды, что неоднократно подчеркивалось (см., например: [8, 16, 21]). Направление изучения взаимодействия природной среды и доисторического общества получило название “эволюционная география” [7]. А.А. Величко [8, с. 16] предложил также термин “антропосфера”, означающий искусственную среду обитания человечества.

К числу важнейших понятий в географии и этнографии, используемых при изучении взаимодействия природы и человека, относятся “геосистема” [33], “географическая среда” [3, 6], “хозяйственно-культурный тип” [28–29], “антропогеоценоз” [1]. Направлением современной географической науки, которое наиболее детально исследует взаимосвязь природы и древнего человека, является историческая география [16, 18].

В данной работе проведена реконструкция основных черт взаимодействия природной среды и древнего человека в умеренном поясе

Восточной Азии (юг Дальнего Востока России (Приморье, Приамурье, о. Сахалин, Курильские острова), Северо-Восточный Китай (или Маньчжурия), Япония, Корея) в позднем палеолите и неолите, около 40000–3000 радиоуглеродных лет назад (далее – л.н.), и выделены принципиальные этапы процесса взаимодействия природы и человека каменного века. Основные фактические данные, положенные в основу настоящего исследования, были опубликованы ранее [24–25].

Методологическая основа работы. Геосистемная концепция применительно к изучению взаимодействия природы и человека выражается следующим образом: “... Геосистемы образуются в результате реального сочетания и взаимных связей явлений и процессов реального мира. На ноосферном уровне (природа – человек – хозяйство – изменяемая человеком природа) образуются интегральные геосистемы” [32, с. 219]. В рамках учения о геосистемах В.Б. Сочава [33] сформулировал тезис о сотворчестве человека с природой, которое осуществляется человеком как система мероприятий, направленных на развитие потенциальных сил природы, активизацию природных процессов, увеличение продуктивности геосистем и коэффициента полезного использования человеком энергетических возможностей земного пространства. Исходя из учения о геосистемах, А.А. Крауклис [22, с. 13] отмечает, что “... земля ... одновременно принадлежит как

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты 94-05-16049, 96-06-80688, 99-06-80348, 02-06-80282, 06-06-80258, 09-06-00126).

природным геосистемам, так и территориальным социально-экономическим системам. Поэтому взаимоотношения между структурой и динамикой землепользования, с одной стороны, и структурой и динамикой природных геосистем – с другой, могут служить наиболее полным в географическом смысле выражением взаимоотношений между обществом и природой”.

Что касается концепции географической среды применительно к изучению взаимодействия природы и человека, С.В. Калесник [19, с. 209] отмечал, что “...географической средой следует называть лишь ту часть природного окружения человека, с которой человек находится в данный момент в непосредственном взаимодействии ... Эта формулировка удобна тем, что она сохраняет свою силу для любого этапа существования общества (прошлого, современного и будущего)”. В.А. Анучин рассматривал географическую среду как область реализации единства общества и природы и определял ее как “... сложную систему природных и общественных явлений и процессов, которые развиваются сопряженно, оказывая обоюдное влияние на эволюцию друг друга” [3, с. 83]. Важнейшим свойством географической среды В.А. Анучин [6] считал ее воздействие на общественное развитие. Это воздействие проявляется через территориальное или акваториальное разнообразие географической среды, причем разнообразие – категория историческая, оптимальная для данного времени и места. Именно разнообразие географической среды является, по В.А. Анучину [6], тем общим свойством, которое имеет положительное значение для человека, и именно оно играло важную роль в развитии общества. Чем разнообразнее географическая среда, сформировавшаяся на той или иной территории, тем, как правило, лучше условия общественного развития.

Представители этнографической науки считают, что природные ландшафты являются конкретной средой обитания общества [2]. Понятие “хозяйственно-культурный тип” (далее – ХКТ) [28–29] является ключевым при изучении взаимосвязи традиционных культур с природной средой и связывает экономические и культурные особенности этнических групп. Это позволяет наиболее полно представить процесс растущей хозяйственно-культурной дифференциации народов мира, начиная с позднего палеолита, а также проводить этнографическую классификацию народов. Под ХКТ понимаются “определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях соци-

ально-экономического развития и обитающих в сходных естественногеографических условиях” [37]. Время появления ХКТ – финальный палеолит; расцвет ХКТ относится к неолиту и раннему железному веку [34]. ХКТ в определенной степени близок к “структуре землепользования” А.А. Крауклиса [22]. В данной работе используется классификация ХКТ, разработанная в основном Н.Н. Чебоксаровым [30, 36].

Важное в методологии изучение взаимодействия природы и общества понятие на стыке этнографии и географии – “антропогеоценоз” [1]. Основными структурными компонентами антропогеоценоза являются хозяйственный коллектив, его производственная деятельность и эксплуатируемая территория. Связь коллектива со средой (в первую очередь в рамках эксплуатируемой территории) осуществляется прежде всего через пищевую цепь, а также через получение сырьевых материалов для возведения построек, изготовления одежды и т.п. Из множества конкретных антропогеоценозов складывается ХКТ. Важной методологической особенностью является относительная легкость формализации данных о конкретных антропогеоценозах (в том числе и в цифровом виде через демографические и хозяйственные показатели) в отличие от очень неопределенного в этом отношении понятия ХКТ [1, с. 110]. Все антропогеоценозы, согласно В.П. Алексееву, можно разделить на два основных типа: 1) с преобладающей ролью природной среды (охотники, собиратели, рыболовы, кочевники; племена, практикующие подсечно-огневое земледелие); 2) с преобладающей ролью хозяйственного коллектива и его производственной деятельности (скотоводы, пашенные земледельцы) [1, с. 31–32].

Методологические основы исторической географии сформулированы В.С. Жекулиным [16, 18]: “...Историческая география – это наука о взаимоотношениях общества и окружающей среды в историческом прошлом. Она показывает, как формировалась современная картина мира, изучает вопросы изменения ландшафтов в четвертичное время под влиянием хозяйственной деятельности человека” [18, с. 28–30]. Историческая география входит в природно-общественный блок в рамках географической науки [18, с. 18]; ее главная задача заключается “...в анализе исторических изменений экологической обстановки на Земле, истории освоения территории, использования ресурсов” [18, с. 28–30]. Историко-географы разработали диахронический подход к изучению природных объектов [16–17], заключающийся в том, что проводится анализ изменений, произошедших с данным географическим объектом за весь период

его развития – от возникновения до современного состояния. В отношении связи исторической географии с изучением процесса взаимодействия природы и общества В.С. Жекулин [16, с. 3] отмечает: “...Историко-географический аспект проблемы “Человек и окружающая среда” заключается в анализе исторических изменений в территориальной организации природы, населения, хозяйства, позволяющем вскрыть генетические корни современных географических объектов и объективно оценить исторический фон современных преобразовательных мероприятий”.

Одним из основных принципов историко-географических исследований, важным для целей данной работы, является выделение этапов взаимодействия общества и природы. Критерий их выделения – хозяйственная деятельность человека как основная сила, преобразующая природные геосистемы. Так, М.Ф. Грин [14] определил четыре этапа взаимодействия человека и природы: 1) пассивное приспособление (до оформления рабовладельческого строя); 2) активное использование (до эпохи империализма); 3) преобразование (до современности); 4) реконструкция (постиндустриальное общество). Э.В. Гирусов [13] выделяет три этапа: 1) переход к производству и изготовлению орудий; 2) промышленная революция, XVIII–XIX вв.; 3) научно-техническая революция, середина XX в. В.А. Кобылянский [20, с. 152] подчеркивает, что основным критерием периодизации взаимодействия природы и общества должен быть уровень развития материального производства и технологический способ связи его субъективного и объективного факторов. На этом основании выделяется три основных этапа взаимодействия: 1) этап ручного, инструментального производства; 2) этап механизированного производства; 3) этап автоматизированного производства. В.А. Анучин [4, с. 91–93] определял три эпохи взаимодействия общества и природы: 1) общество развивается чрезвычайно медленно, значительно медленнее земной природы, изменения в которой в некоторых случаях даже стимулируют (как бы подталкивают) общественное развитие; 2) общество начинает развиваться быстрее природы, рост производства обуславливает коренные изменения в соотношении взаимовлияний между обществом и природой; 3) современная эпоха. Социологический подход позволил Э.С. Кульпину [27] обосновать три основных этапа взаимодействия человека и природы: 1) доцивилизационный, где главный вид деятельности – собирательство даров природы; 2) цивилизационный (длительностью 4–6 тысяч лет), для которого характерно нарастание конфронтационных,

антагонистических отношений природы и общества; 3) постцивилизационный (ноосферный), на котором происходит коэволюция человека и природы.

Одним из наиболее важных явлений во взаимодействии природы и древнего человека является возникновение производящего хозяйства, для которого требовались совершенно определенные параметры природной среды (см. [1, с. 102–103]). Хотя причиной возникновения производящего хозяйства являлся, несомненно, социальный фактор, природная среда способствовала появлению земледелия и скотоводства в определенных регионах Земли раньше, чем в соседних. Области, давно заселенные и освоенные человеком, при прочих равных условиях перешли к производящему хозяйству раньше, нежели слабо заселенные территории [5, с. 89–90]. С переходом от присваивающего к производящему хозяйству усилились территориально-хозяйственные различия в древнем обществе; по мнению В.А. Анучина [5, с. 96], именно с момента появления производящей экономики начинается экономико-географическая история территориальных комплексов географической среды региона.

Построение периодизации взаимоотношений между обществом и природой, таким образом, должно строиться на основе учета антропогенного фактора как определяющего [1, с. 147]. Выделяется пять этапов в процессе такого взаимодействия [1, с. 148–154]: 1) эпоха начального нарушения экологического равновесия (присваивающее хозяйство, до 10000 л.н.); 2) эпоха усиления экологического неравновесия (зарождение производящего хозяйства, 10 000–6000 л.н.); 3) эпоха создания городских поселений (6000–2500 л.н.); 4) эпоха грандиозных миграций вещества и энергии (2500–100 л.н.); 5) эпоха революционного развития технологии (последние 100 лет). Н.А. Хотинский [35, с. 44] отмечает, что “... антропогенные рубежи из-за различных темпов освоения отдельных регионов ... могут иметь разновременный характер. Особый интерес представляют рубежи, связанные с переходом к пашенному земледелию – наиболее интенсивной форме воздействия хозяйственной деятельности человека на ландшафты в голоцене”. Это согласуется с общетеоретическими представлениями о периодизации взаимодействия общества и природы ([4, 13, 15, 20, 31] и др.; см. выше).

Результаты и дискуссия. Основные ХКТ эпохи камня в умеренном поясе Восточной Азии и их динамика. На основании данных по экономике древних культур региона (см. [24, с. 148–185]) можно сделать вывод о том, что в палеолите (около

40 000–10 000 л.н.) на Дальнем Востоке России, Северо-Востоке Китая, Корейском полуострове и Японских островах существовал единый ХКТ таежных охотников-собирателей. Вероятно, практиковалось и рыболовство, но утверждать определенно о его роли невозможно в силу недостатка данных (см. [23, с. 83; 24, с. 166; 26]).

Гораздо больше данных имеется для неолита, чему способствует значительное количество найденных при раскопках остатков растений и костей позвоночных (млекопитающих, птиц и рыб) и беспозвоночных (моллюсков) животных. Так, в раннем и среднем неолите (12 000–5000 л.н.) на Дальнем Востоке России сложились и существовали несколько различных ХКТ, относящихся к присваивающему типу хозяйства: 1) таежные охотники и рыболовы гор Сихотэ-Алиня, бассейна р. Зеи, о. Сахалин; 2) рыболовы и охотники долины р. Амур и его притоков; 3) охотники, рыболовы и собиратели южных побережий Приморья и Сахалина (рис. 1). В позднем неолите (около 4500–3000 л.н.) в южном Приморье (а также, возможно, в Среднем и Нижнем Приамурье) начинает формироваться ХКТ мотыжных земледельцев с сохранением существенной роли сухопутной охоты, рыболовства и собирательства диких растений (рис. 2). В неолите Северо-Восточного Китая, особенно в его северной половине (бассейны рек Сунгари и Уссури) длительное время существовали ХКТ таежных охотников, рыболовов и собирателей умеренного пояса и оседлых рыболовов бассейнов больших рек; на побережье Желтого моря около 5700–3900 л.н. известен ХКТ приморских собирателей и рыболовов (рис. 1). ХКТ мотыжных земледельцев умеренного пояса зарождается на юге Маньчжурии, начиная с 8000–7000 л.н. [40]; на севере региона около 5000–3000 л.н. существовал ХКТ лесных мотыжных земледельцев (рис. 2). На Корейском полуострове в первой половине неолита (7500–5000 л.н.) существовал ХКТ охотников, рыболовов и собирателей лесной зоны умеренно-теплого пояса. Начиная с 6300 л.н. [42], к нему добавляется ХКТ береговых охотников, рыболовов и собирателей умеренно-теплого пояса, активно использовавших морские пищевые ресурсы наряду с охотой на сухопутных животных (рис. 1). Около 5000–4500 л. н. в Корее появляется принципиально иной ХКТ – мотыжных земледельцев лесной зоны умеренно-теплого пояса, который, видимо, сохранял отрасли присваивающего хозяйства (рис. 2). На Японских островах в неолите (дзёмоне), около 13 000–3000 л.н. существовал ряд ХКТ: 1) приморские собиратели, рыболовы и охотники на морского зверя (о. Хоккайдо; восточное побережье о. Хонсю);

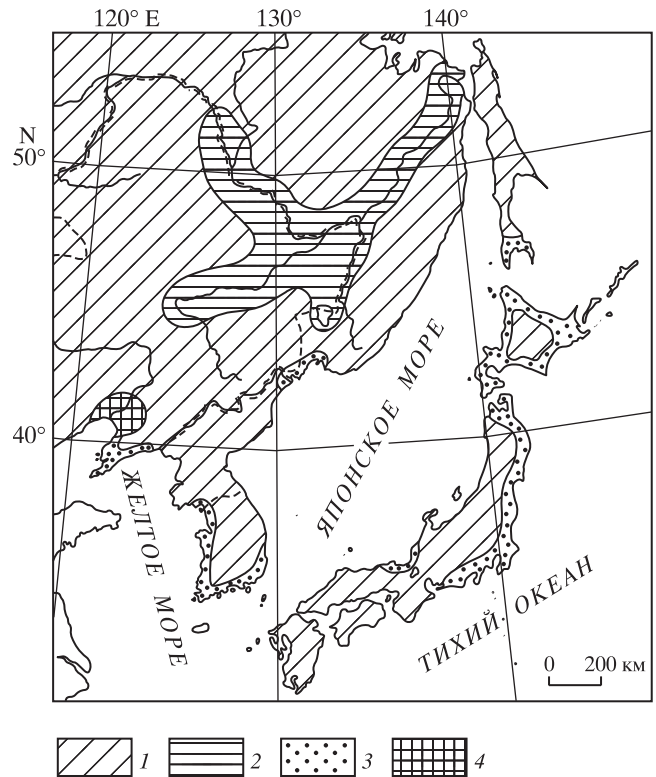

Рис. 1. ХКТ раннего–среднего неолита Восточной Азии (по [24, с. 186]): 1 – таежные охотники, рыболовы и собиратели; 2 – оседлые рыболовы и охотники долин крупных рек; 3 – приморские собиратели, рыболовы и охотники на морского зверя; 4 – мотыжные земледельцы на основе проса.

2) сухопутные охотники, рыболовы и собиратели (западная часть о. Хонсю; острова Кюсю и Сикоку); 3) лесные мотыжные земледельцы умеренного пояса (в отдельных районах, около 4000–3000 л.н.) с сохранением значительной роли присваивающих отраслей хозяйства (рис. 1–2).

В каменном веке умеренного пояса Восточной Азии можно отметить общие черты в формировании и развитии ХКТ (рис. 3). В палеолите на всей территории существовал ХКТ охотников, рыболовов и собирателей. В неолите известен ряд ХКТ, объединяемых тем, что характер хозяйства древних людей оставался присваивающим: 1) охотники, рыболовы и собиратели таежных районов; 2) рыболовы и охотники долин крупных рек; 3) собиратели, рыболовы и охотники на морского зверя в прибрежных районах. В южной лесостепной части Маньчжурии около 8000–7000 л.н. появляется ХКТ мотыжных земледельцев на основе проса (рис. 3, выделено точками). Он постепенно (около 5000–4000 л.н.) распространяется от “ядра” на юге Маньчжурии к “периферии” (север Маньчжурии, лесостепные районы юга Дальнего Востока России, Корейский полуостров

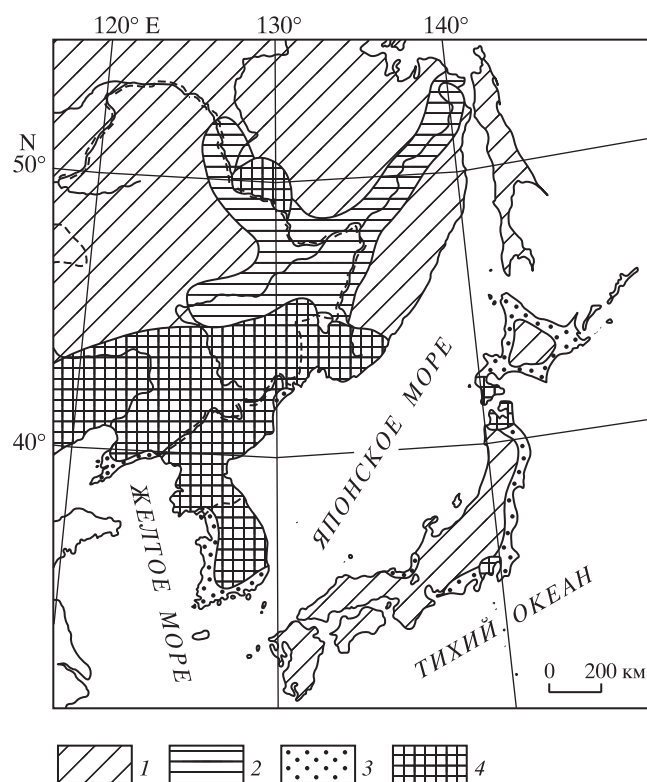

Рис. 2. ХКТ позднего неолита Восточной Азии (по [24, с. 187], с дополнениями) (условные обозначения см. на рис. 1).

и Японские острова). Эта экспансия продолжалась вплоть до 3000 л.н., когда практически вся территория становится в той или иной мере охвачена ХКТ мотыжных земледельцев (рис. 2–3). Переход к интенсивному земледелию на основе рисоводства и появление ХКТ пашенных земледельцев произошли в отдельных районах умеренного пояса Восточной Азии (Корейский полуостров и южная часть Японских островов) в эпоху палеометалла (бронзовый и ранний железный века), около 3000–2500 л.н.

Корреляция палеогеографических рубежей с этапами развития древних культур в умеренном поясе Восточной Азии (поздний плейстоцен – голоцен). Опираясь на имеющиеся данные (см. [24–25]), можно провести корреляцию изменений природной среды и этапов развития древних культур с целью установления связи природных и культурных изменений; при этом принимается, что определяющее влияние на древних людей оказывали изменения климата (см. раздел “Методологическая основа”). Наиболее важные климатические события в Северном полушарии в рассматриваемый нами период имели место около 20 000 л.н. (максимум последнего оледенения), около 10 000 л.н. (граница плейстоцена и голо-

цена) и около 6000 л.н. (голоценовый климатический оптимум). Рассмотрим природную среду и древние поселения, которые существовали в это время в умеренном поясе Восточной Азии (см. [24, с. 30–147]).

Около 20 000–18 000 л.н. северную часть региона занимали тундры, лесотундры (с островами еловых и березово-лиственных лесов) и холодные лесостепи (с разреженными хвойными лесами). На юге территории преобладали хвойные леса; на побережье Японских островов – смешанные хвойно-широколиственные леса, и только на самом юге Японского архипелага произрастали вечнозеленые широколиственные леса (рис. 4). На территории, покрытой тундрой, лесотундрой и хвойными лесами, существовал ряд стоянок древнего человека; в Приморье, Приамурье, Маньчжурии и Корее их было сравнительно немного, а наиболее плотно были заселены центральная и северная части о. Хонсю (рис. 4). На основании этих данных можно говорить о постоянном проживании древних людей в это время во всей умеренной Восточной Азии.

Около 10 000 л.н. в условиях постепенного усиления роли лесов в структуре ландшафтов древний человек заселял территорию умеренного пояса Востока Азии. В результате вымирания около 15 000–12 000 л.н. представителей плейстоценовой мегафауны (мамонта, шерстистого носорога, бизона, дикой лошади, дикого быка, гигантского оленя, яков, овцебыка, пещерных льва и медведя) человек перешел на охоту на других млекопитающих, а также освоил рыболовство. Около 13 000 л.н. в нескольких регионах Восточной Азии появляется керамика [41]. Около 9000 л.н. на западном побережье Японского архипелага началась эксплуатация морских млекопитающих и моллюсков.

Около 6000 л.н. природные условия Северного полушария были максимально теплыми и влажными за последние 40 000 лет; уровень Мирового океана и его морей превышал современный, а береговая линия этого времени отличалась высокой степенью изрезанности в результате ингрессии морских вод в речные долины. Теплые течения (Восточно-Корейское и Цусимское) проникли далеко на север по отношению к их современному положению (рис. 5). Основными типами растительности на севере территории (Приамурье, Приморье, Маньчжурия) были хвойные, хвойно-широколиственные и широколиственные леса; на юге (острова Хонсю, Кюсю и Сикоку, южная оконечность Кореи) произрастали широколиственные и вечнозеленые субтропические леса, в

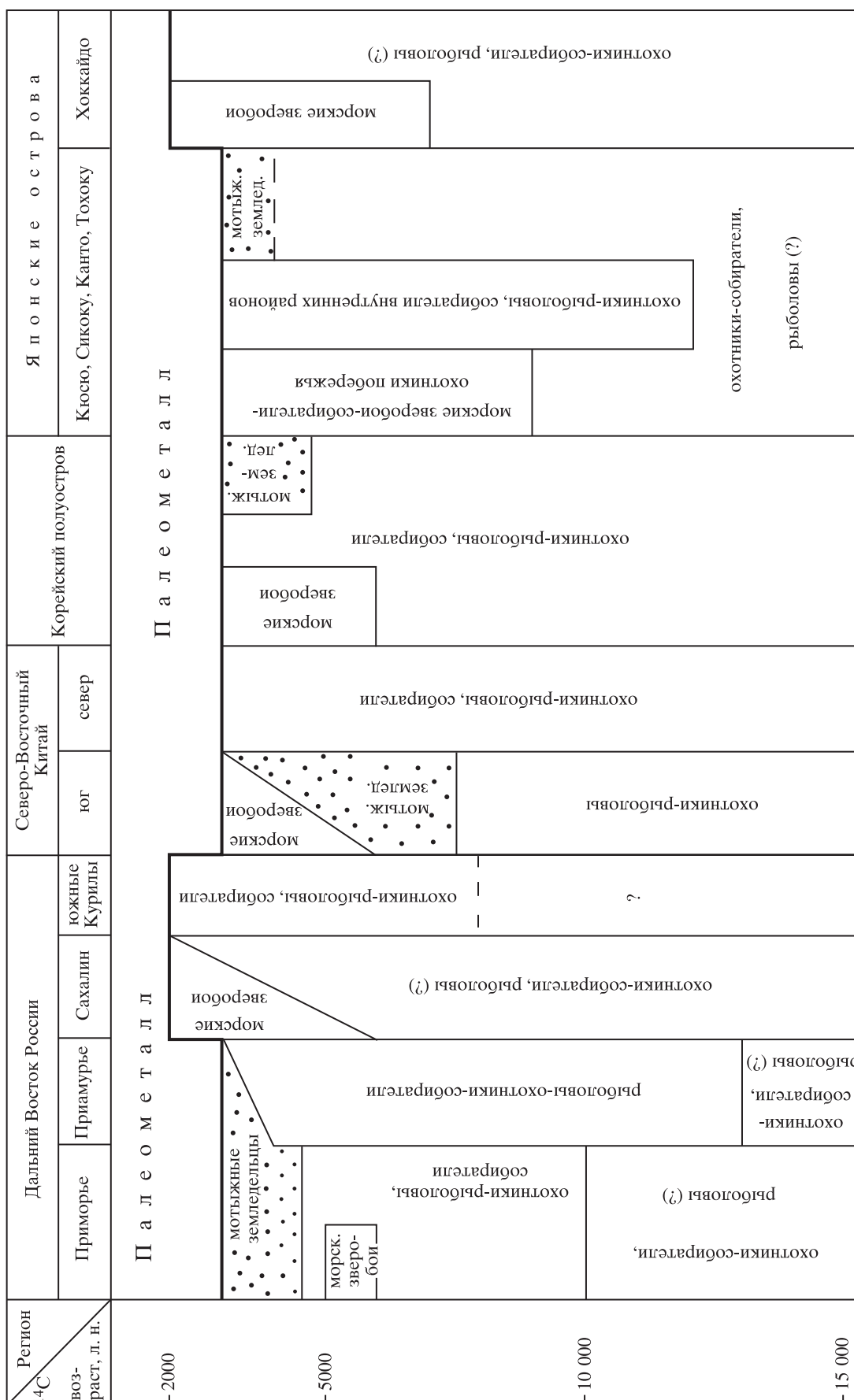

Рис. 3. Основные ХКТ эпохи камня Восточной Азии (по [24, с. 188], с дополнениями).

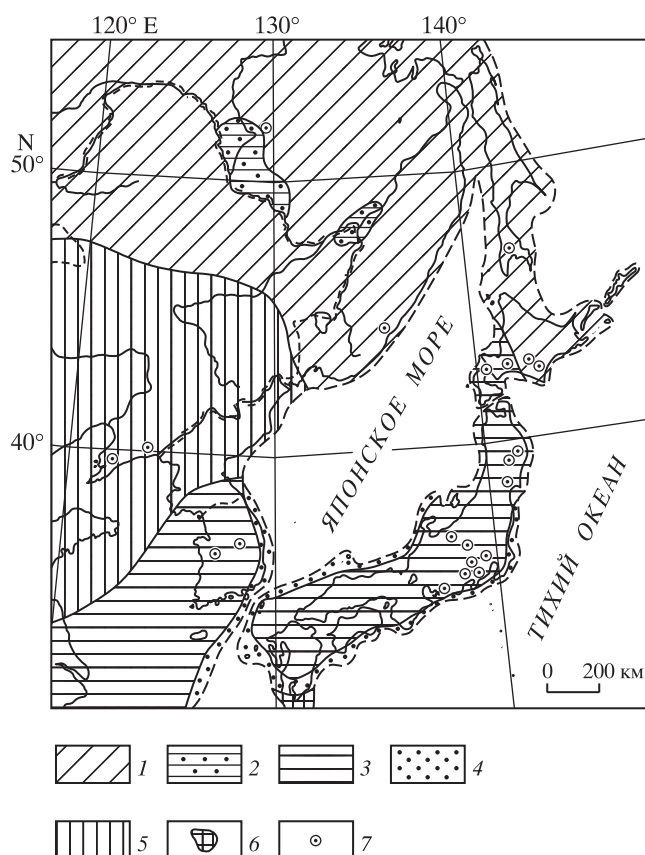

Рис. 4. Природная среда и древние поселения Восточной Азии в максимум последнего похолодания (20 000–18 000 л.н.): 1 – тундра, лесотундра и редкостойные березово-лиственничные леса; 2 – еловые и березово-лиственничные леса; 3 – хвойные леса; 4 – хвойно-широколиственные леса; 5 – лесостепи и разреженные хвойные леса; 6 – вечнозеленые субтропические леса; 7 – палеолитические памятники.

горах островов Хонсю и Хоккайдо – хвойные леса (рис. 5). Около 6000–5000 л.н. отмечено значительное количество “раковинных куч” на побережье Японского и Желтого морей, хотя в ряде регионов (тихоокеанское побережье островов Хоккайдо и Хонсю) они появились около 9000–7000 л.н. (рис. 5). В некоторых районах Восточной Азии (долины рек Хуанхэ и Ляохэ) в это время существовало земледелие на основе проса.

Для иллюстрации влияния природы на развитие первобытного общества в умеренном поясе Восточной Азии необходимо проанализировать возможную связь между появлением таких явлений в палеоэкономике, как земледелие и собирательство морских моллюсков, и изменениями природной среды в позднеледниковье–голоцене. Наиболее ранние следы земледелия на основе просяных культур известны на юге Маньчжурии (бассейн р. Ляохэ) около 8000–7000 л.н. (рис. 2–3). Около 5500–4500 л.н. начинается распространение зем-

леделия на прилегающую часть Северо-Восточного Китая, а также на Корейский полуостров и Японские острова, а около 4600–4000 л.н. – на юг Дальнего Востока России. Собирательство морских моллюсков началось на востоке Азии еще в раннем голоцене (около 9000 л.н.), а его наибольшее распространение отмечено в оптимуме голоцена, около 6000–5000 л.н. (рис. 1, 3).

Появление и распространение земледелия в Восточной Азии связывается рядом авторов с изменениями природной среды в раннем–среднем голоцене (см. обзоры: [24, с. 148–185; 39]). Распространение земледелия в умеренном поясе Восточной Азии соответствует окончанию голоценового климатического оптимума (на фоне некоторого иссушения климата и относительного похолодания). Это дало основание считать, что климатические изменения существенно повлияли на появление земледелия вне первичного “ядра”

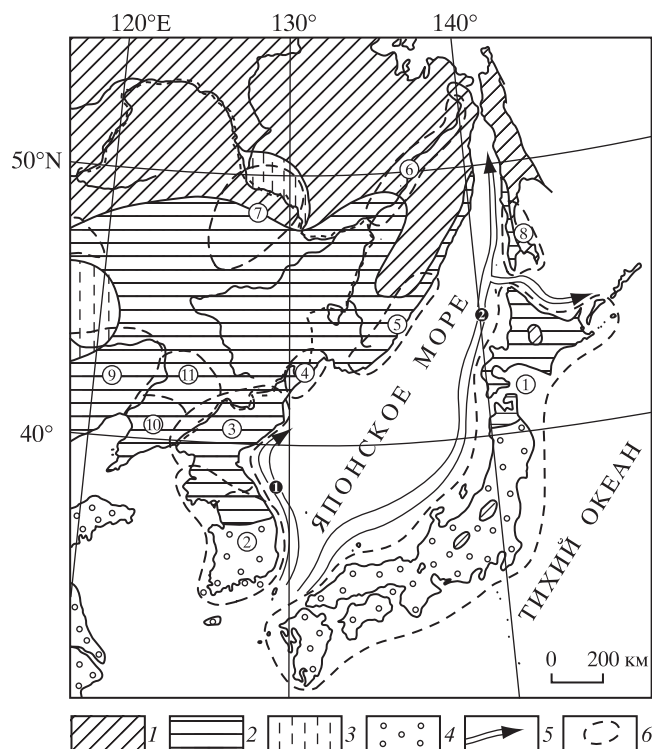

Рис. 5. Природная среда и древние культуры Восточной Азии в климатическом оптимуме голоцена (около 6000 л.н.): 1 – хвойные и хвойно-широколиственные леса; 2 – широколиственные леса; 3 – лесостепи и степи; 4 – широколиственные и вечнозеленые субтропические леса; 5 – теплые течения (№ 1 – Восточно-Корейское; № 2 – Цусимское); 6 – ареалы основных древних культур. Культуры: 1 – дзёмон Японии; 2 – неолит юга Кореи (круглодонные сосуды); 3 – неолит севера Кореи (плоскодонные сосуды); 4 – бойманская культура; 5 – руднинская культура; 6 – малышевская культура; 7 – новопетровская культура; 8 – южно-сахалинская культура; 9 – культуры хуншань, синлунва и чжаобаогоу; 10 – культуры хоува и сяочжунань; 11 – культура синьлэ.

на юге Маньчжурии [10–11, 38]. Однако, как представляется на основании анализа распространения земледелия (см. [24, с. 185–190]), основную роль в этом процессе играла культурная диффузия от “ядра” к “периферии”. Так, в ряде регионов (Сахалин и таежные районы Дальнего Востока России) земледелие практически не было известно до средневековья (X–XII вв. н.э.). Несомненно, что появление обширных лесостепных и степных ландшафтов в умеренном поясе востока Азии на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена, около 5000–4000 л.н., имело определенное значение для распространения земледелия.

Собирательство морских моллюсков в Восточной Азии в древности было обусловлено главным образом доступностью крупных скоплений моллюсков (“устричных банок”), которые образовывались в приустьевых лагунах, обвязанных своему существованию ингрессии моря в период высокого стояния его уровня в оптимуме голоцена (см. [24, с. 37]). Именно в это время наблюдается расцвет морского собирательства моллюсков на востоке Азии. Природная обстановка способствовала расширению и интенсификации использования морских моллюсков в пищу доисторическим населением, начиная со среднего голоцена.

Таким образом, сохранявшиеся на протяжении всего палеолита и большей части неолита в умеренном поясе Восточной Азии ХКТ были достаточно устойчивы к изменениям природной среды; наиболее чувствительными из них были собирательство морских моллюсков и отчасти земледелие. Таким образом, влияние природной среды в эпоху камня (40 000–3000 л.н.) было достаточно опосредованным, что объясняется преобладанием охотничье-рыболовческо-собирательской экономики.

Географический фактор влиял на развитие общества в основном через доступность и обилие природных пищевых ресурсов. В регионах со стабильными источниками пищи (например, в центральной Японии в эпоху дземона на фоне широколиственных лесов) длительное время сохранялись ХКТ присваивающего типа. Существование значительных морских пищевых ресурсов на тихоокеанском побережье Японии также было причиной консервации присваивающей экономики в то время, когда в соседних материковых регионах востока Азии появляется производящее хозяйство. Доступность и стабильность пресноводных рыбных ресурсов на юге Дальнего Востока России (Среднее и Нижнее Приамурье) были причиной того, что появление около 13000 л.н.

керамики [41] не сыграла заметной роли в переходе к производящему хозяйству, который, вероятно, начался лишь около 4000 л.н. На побережье субтропиков Восточной Азии использование морских моллюсков в пищу продолжалось длительное время, с 9200 л.н., и наиболее активно с 6000 л.н. вплоть до раннего средневековья, около 1500 л.н. В регионах с худшими климатическими условиями (южные части Приморья и Сахалина) использование моллюсков как важного ресурса отмечено лишь эпизодически, в периоды наиболее благоприятных условий для их существования (около 6000–5000 и 3000–2000 л.н.).

Наиболее динамичными в плане взаимодействия природной среды и древнего человека были те области востока Азии, для которых была характерна высокая степень разнообразия географической среды – в первую очередь лесостепи и побережья морей. Контактные регионы были в большей степени подвержены изменениям природной среды; наличие мозаичной структуры ландшафтов приводило к тому, что реакция первобытных обществ на изменения природной среды была более быстрой, чем в регионах со слабым разнообразием географической среды (тайга, широколиственные леса). В результате именно в контактных зонах с большим разнообразием природных условий (юг Маньчжурии, Ханкайская равнина) начался переход к производящему типу экономики.

Основные природно-культурные этапы каменного века умеренного пояса Восточной Азии. Опираясь на пространственно-временную реконструкцию ХКТ умеренного пояса Восточной Азии в эпоху камня (рис. 3), можно выделить главные этапы взаимодействия природной среды и древнего человека.

Первый этап начался еще в палеолите и продолжался вплоть до 8000–7000 л.н. в Северо-Восточном Китае и до 5500–4000 л.н. на остальной территории; он отвечает ХКТ с преобладанием присваивающего хозяйства. На этом этапе взаимодействия природы и человека древние люди лишь потребляли ресурсы природной среды, не оказывая на нее сколько-нибудь существенного воздействия. **Второй этап** начался около 8000–7000 л.н. и закончился около 3000 л.н.; он соответствует ХКТ с важной ролью мотыжного земледелия на основе проса. В это время происходит принципиальное изменение во взаимодействии природы и человека: люди не только используют природные ресурсы, но и создают собственные; как результат, начинается активное воздействие человека на природную среду. **Третий этап** свя-

зан с культурами палеометалла, 3000–2000 л.н., и отвечает усилению роли производящей экономики; для него характерны ХКТ с преобладанием земледелия на основе риса и скотоводства (свинья, собака), с металлургией бронзы и железа в отдельных регионах.

Первый важнейший рубеж в воздействии древнего человека на природную среду, отвечающий усилению антропогенного пресса на геосистемы, может быть проведен на уровне около 4000 л.н., когда ХКТ производящего типа начинают распространяться на значительной части востока Азии (рис. 2–3). Однако влияние человека на природную среду в это время оставалось локальным по своим масштабам. **Второй** важнейший рубеж может быть намечен около 4500–3500 л.н. в Маньчжурии и около 3000 л.н. на Корейском полуострове и Японских островах, когда появляются ХКТ на основе пашенного земледелия и интенсивного скотоводства, носители которых владели навыками металлургии бронзы и железа. Воздействие человека на природную среду в это время стало региональным и в дальнейшем непрерывно усиливается.

Выводы. В эпохи камня и палеометалла в умеренном поясе Восточной Азии выделяется три принципиальных этапа взаимодействия природной среды и человека. *Первый этап* соответствует позднему палеолиту и раннему неолиту (от 40 000 л.н. до 8000 л.н.), и характеризуется пассивной ролью человека во взаимоотношениях с природной средой. *Второй этап* отвечает концу раннего неолита и позднему неолиту (около 8000–3000 л.н.); в это время древний человек начинает активно влиять на ландшафты в результате появления и распространения мотыжного земледелия, однако масштабы воздействия оставались локальными. *Третий этап* соответствует культурам палеометалла (около 3000–2000 л.н.) и характеризуется резким усилением воздействия человека на природную среду в результате появления и распространения пашенного земледелия и скотоводства; воздействие человека приобрело региональные масштабы. Данные выводы могут быть использованы для исследования роли антропогенного фактора в истории геосистем Восточной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.П. Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993. 191 с.
2. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985. 280 с.
3. Анучин В.А. Соотношение общества и природы в географической среде и философские проблемы географии // Вопросы философии, 1975. № 4. С. 80–91.
4. Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978. 293 с.
5. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 336 с.
6. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества // Страны и народы. Глобальные проблемы (Серия “Страны и народы”). М.: Мысль, 1985. С. 206–214.
7. Величко А.А. Эволюционная география. Некоторые вопросы теории // Изв. АН СССР. Сер. географич. 1985. № 6. С. 25–35.
8. Величко А.А. Коэволюция человека и окружающей среды // Изв. АН. СССР Сер. географич. 1993. № 5. С. 18–31.
9. Величко А.А. В поисках стратегии будущего // Изв. АН. СССР Сер. географич. 1995. № 3. С. 11–24.
10. Верховская Н.Б., Кундышев А.С. Природная среда южного Приморья в неолите и раннем железном веке // Вестник ДВО РАН. 1993. № 1. С. 18–26.
11. Вострецов Ю.Е. Изучение влияния природных изменений на культурную адаптацию населения Приморья в среднем-позднем голоцене (методический аспект) // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 32–38.
12. Герасимов И.П. Введение // Очерки истории географической науки в СССР. М.: Наука, 1976. С. 3–12.
13. Гирусов Э.В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 48–57.
14. Грин М.Ф. Проблемы преобразования природы и задачи географии // Природа и общество. М.: Наука, 1968. С. 118–131.
15. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.: Наука, 1983. 256 с.
16. Жекулин В.С. Историческая география: Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
17. Жекулин В.С. Историческая география и геоэкология: грани сотрудничества // География и современность. Вып. 4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 9–22.
18. Жекулин В.С. Введение в географию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 272 с.
19. Калесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М.: Мысль, 1970. 288 с.
20. Кобылянский В.А. Природа и общество: специфика, единство, взаимодействие. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 200 с.
21. Котляков В.М. Географическая наука на пороге 90-х годов // Известия АН СССР. Сер. географич. 1990. № 4. С. 5–16.

22. Крауклис А.А. Географическая концепция взаимодействия общества и природы // География и природные ресурсы. 1985. № 2. С. 8–14.
23. Кузьмин Я.В. Геоархеология Приморья (Дальний Восток России) в 1990-х гг.: основные результаты исследований // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 78–87.
24. Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. 281 с.
25. Кузьмин Я.В. Природная среда и человек в позднем палеолите и неолите умеренного пояса Восточной Азии. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2006. 45 с.
26. Кузьмин Я.В. Возникновение приморской адаптации на тихоокеанском побережье России: продолжение дискуссии // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 5. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. С. 68–78.
27. Кульпин Э.С. Об основах социоестественной истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1994. № 1. С. 29–38.
28. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области: к постановке вопроса // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
29. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Общие сведения (расы, языки и народы) // Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 7–56.
30. Линь Я.-Х., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы Китая // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. 1961. Т. 73. С. 5–46.
31. Рахилин В.К. Общество и живая природа: Краткий очерк истории взаимодействия. М.: Наука, 1989. 215 с.
32. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем. М.: Изд-во Просвещение, 1980. 269 с.
33. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
34. Степанов В.П. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР // Проблемы общей физической географии и палеогеографии. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 300–322.
35. Хотинский Н.А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М.: Наука, 1987. С. 39–45.
36. Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии // Народы Восточной Азии. М.-Л.: Наука, 1965. С. 90–112.
37. Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 28. М.: Сов. энциклопедия, 1978. С. 329.
38. Choe C.-P. Origins of agriculture in Korea // Korea J. 1990. V. 30. № 11. P. 4–14.
39. Cohen D.J. The origins of domesticated cereals and the Pleistocene–Holocene transition in East Asia // Rev. Archaeol. 1998. V. 19. № 2. P. 22–29.
40. Crawford G.W. East Asian plant domestication // Archaeology of Asia. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. P. 77–95.
41. Kuzmin Y.V. Chronology of the earliest pottery in East Asia: progress and pitfalls // Antiquity. 2006. V. 80. № 308. P. 362–371.
42. Youn M., Kim I. C., Park J. M., Kim J. C. Ahn J. Radiocarbon dating of the pottery artefacts from the Sejuk Neolithic site // Radiocarbon and Archaeology. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2004. P. 99–104.

Environment and Ancient Human in the Moderate Belt of Eastern Asia: Main Stages of Interaction

Ya.V. Kuzmin

Institute of Geology and Mineralogy, RAS Siberian Branch

The human-environment interaction is one of the critical issues in modern geography. Using methodology of Russian geography and ethnology, the review of economics in the Paleolithic and Neolithic complexes (ca. 40 000–3000 years ago) of temperate zone of East Asia is given. The principal stages of human-environment interaction in prehistory are revealed; the problems of interrelation and interdependence between cultural and natural processes are discussed.